1970 г.

8 0 6

МРТУ 19 №: 183--65

2

1





Олег Тихомиров

Кузнечик

Художник Н. Поливанов



Это рассказ об Алёше Кузнецове, который погиб в дни октябрьских боев 1917 года на московских баррикадах. Было ему в ту пору пятнадцать лет.



Рос он в бедной семье. Когда ему исполнилось десять, мать сказала: „Ну, сынок, уговорила я сапожника Михея Михеича – берёт тебя в ученики. Научишься сапоги шить – человеком станешь, не будем нужды знать".



Но хозяин мастерской даже и не вспоминал об учёбе. Он заставлял мальчика колоть дрова, выносить помойные вёдра, бегать за водой, мыть посуду. А чуть что не так – расправлялся с Алёшей кулаками.



Когда хозяина не было дома, подмастерье Фёдор учил Алёшу скручивать дратву, точить сапожные ножи и шила, колоть деревянные гвоздики из берёзового чурбака.



Однажды, когда Алёша выбивал у крыльца хозяйские половики, во двор вошёл дворник с двумя жандармами. Мальчик замер. С чего бы такие гости заявились?



–Алёша, – услышал он чей-то голос, – иди сюда. – За порогом стоял Фёдор. – Это за мной, – шепнул он. – Наверное, обыск будут делать.



– „За что?“–вырвалось у Алёши. – „Потом узнаешь. Сейчас некогда. Возле кухни ведро с очистками стоит... Я сунул туда две книги и свёрток с бумагами. Передашь всё студенту. Понял?“



Через неделю в мастерской появился студент Костя. Алёша передал ему книги и свёрток. – „А правда, наш Фёдор против царя был?“ – спросил он у студента. – „Правда“. – „А зачем?“ – „Чтобы таким, как ты, жилось лучше. Ну, прощай, брат, спасибо“.



Кто знает, сколько бы ещё проработал Алёша у сапожника, но однажды он наткнулся на ораву ребят – они бежали по улице и кричали: „Война! Война! С германцами!“ – Шёл 1914 год.



К сапожнику Алёша не вернулся. Он стал ходить на вокзал, откуда с запасных путей отправлялись поезда на фронт. „Уехать бы с солдатами! – мечтал Алёша. – Уж я бы повоевал“.



Возле вагонов всегда была суета. Солдаты грузили ящики, тюки, втаскивали на платформы повозки, тяжёлые обозные телеги. Алёша помогал им.



Вскоре Алёша и сам стал походить на маленького солдата. Кто-то дал ему за усердие солдатскую одежду, а мать подогнала её по росту.



С одним воинским составом Алёше всё же удалось отправиться на фронт. Он сказал, что отстал от своего полка и теперь хочет нагнать его. Так и остался Алёша у солдат четвёртой роты 85-го стрелкового полка, который направлялся под Варшаву.



Однажды в окоп вошёл ефрейтор. – „Гриненко! Дедов! Кузнецов! В „секрет“. – Это значило, что Алёше вместе с двумя солдатами нужно сменить дозорных на передовых постах. Оттуда они будут наблюдать за врагом.



На фронте затишье. Не слышно выстрелов. Можно подумать, что рядом нет ни немцев, ни австрийцев. Казалось бы, зачем ползти по снегу ночью? Но Алёша – уже опытный боец, полтора года воюет, знает, как обманчива бывает тишина.



Алёша вспоминает, как солдат Дедов говорил, будто немцы и австрияки такие же мужики, как и русские, только лопочут по-немецки. – „А чего же они на нас лезут?“ – спросил тогда кто-то из новобранцев.



– Их, – пояснил Дедов, – Вильгельм да господа ихние на войну погнали, а нас царь да наши господа. Как ни крути, получается, война господам нужна. Солдаты для них новые земли своей кровью добывают.



В ротах по рукам ходили какие-то листки. Алёша слышал, что это газета большевиков. Дедов говорил, большевики за трудовой народ вступились.



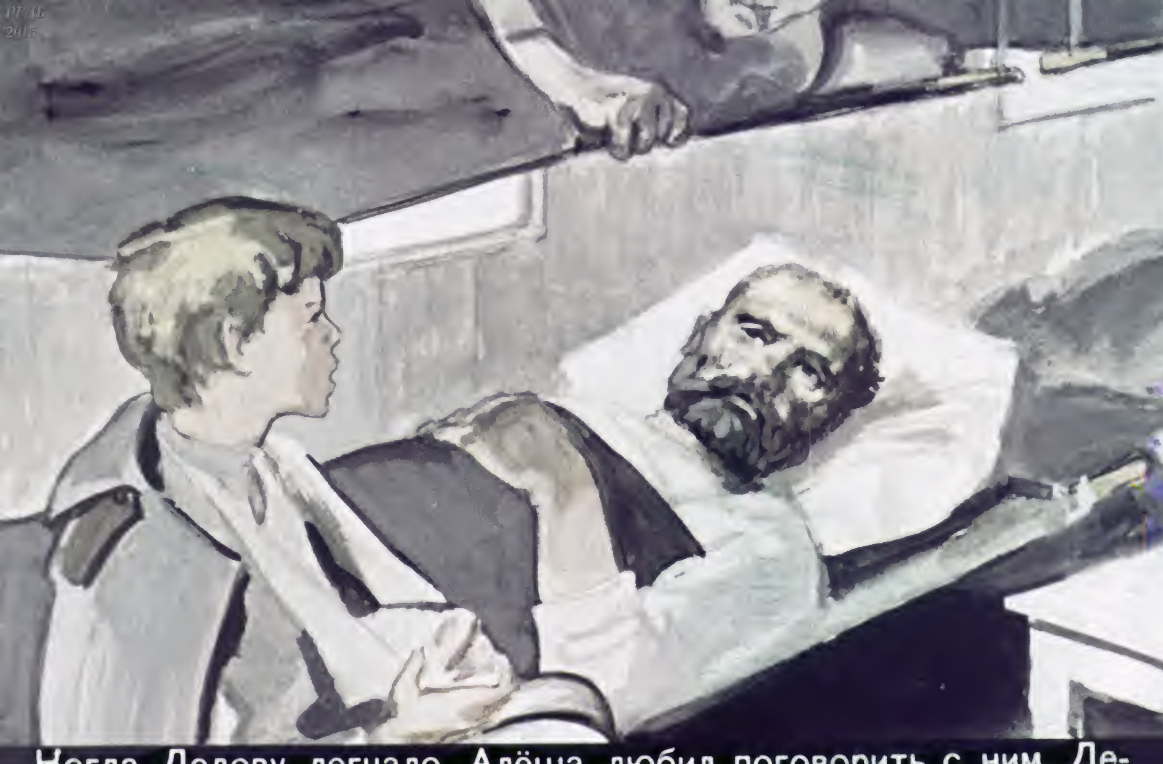
Трудно во всём разобраться Алёше. „Нужно будет расспросить у Дедова, – решил он, – вот только вернёмся из „секрета“.



Но в ту ночь в перестрелке с австрийскими разведчиками Алёша был ранен в руку. С неделю пролежал он в полковом лазарете, а потом вместе с другими ранеными его поместили в санитарный поезд.



В этом же поезде оказался и Дедов. У него дела были хуже. Пуля пробила ему лёгкое. Алёша накрывал его, подавал кружку с водой, приводил фельдшера.



Когда Дедову легчало, Алёша любил поговорить с ним. Дедов отвечал обстоятельно, а то и сам расспрашивал Алёшу про его жизнь.



После таких разговоров у Алёши сжимались кулаки. Ну вот попробовал всего: и солдатские чёрствые сухари жевал, и порох нюхал, и даже австрийского свинца получил „на память“ — только к чему всё это.



А тем временем поезд подошёл к полустанку. А на полустанке полно народу. Все что-то кричат, поют, в руках у многих красные знамёна, лозунги: „Да здравствует революция! Долой войну!"



Алёша вышел из вагона и тут же вернулся взволнованный, возбуждённый. – „Ну, что там, сынок?" – обступили его раненые. – „В Петрограде революция, царя сбросили", – выпалил Алёша.



Через месяц Алёша был дома. Рука его быстро подживала, и он теперь думал, куда бы поступить на работу. – „Не торопись, – говорила старшая сестра Лена, – я тут кое с кем покумекаю“.



И однажды распахнулась дверь, и на пороге показался человек. — „Здорово, солдат!“ — сказал он. — „Фёдор!“ — Алёша тут же узнал его.



Фёдор пообещал устроить Алёшу в обойный магазин.– „Торговать, что ли?“ – спросил Алёша.– „Да нет, брат. У нас там, в подвале, патроны хранятся. А они, понимаешь, скоро будут нам нужны“.



Допоздна засиделся Фёдор в тот вечер у Кузнецовых. Говорили о войне, о Временном правительстве, которое заботится лишь о буржуях. – „Ничего, наш час настанет, – сказал Фёдор. – Только нужно ещё немного сил поднабрать“.



И час, о котором говорил Фёдор, настал. 25 октября в Москве затрещали выстрелы, на улицах выросли баррикады. На бой с белогвардейцами выходили отряды дружинников. Вот когда понадобились патроны из обойного магазина. Алёша еле успевал рассовывать их в сумки, с которыми приходили дружинники.



Когда патроны кончились, Алёша ушёл в отряд к Фёдору: они сооружали баррикаду в одном из переулков, чтобы не пропустить юнкеров к главному штабу. Алёше тоже дали винтовку и две обоймы.



На следующий день его взяла к себе в „летучий“ санитарный отряд Лена. Алёша не отставал от взрослых: выносил раненых из-под обстрела, делал перевязки, подбадривал.



Дружинники ласково звали его „Кузнечиком".



Через два дня Алёша вместе с Леной снова появились на баррикаде у Фёдора. – „Молодцы, – встретил их Фёдор, – санитары нам очень нужны“.



И вдруг: „Тра-та-та-та..." – простучал пулемёт. Алёша оглянулся и увидел, как неподалёку от баррикады упал мальчишка. Вот он чуть приподнялся, прополз немного и опять уткнулся лицом в землю.



„Ранен", – мелькнуло в голове у Алёши. Он кинулся к мальчишке. – „Назад! – кричали ему. – Стой!" – Но Алёша уже добежал до раненого.



Подбежала и Лена с санитарной сумкой. – „Тра-та-та...“ – снова застучал пулемёт. Брат и сестра упали. Лену ранило в ногу. Пули прошили насквозь Алёшину спину и живот.



Алёша долго не приходил в сознание. А когда открыл глаза, увидел возле себя Фёдора. – „Лена... жива?" – спросил Алёша. – „Жива, дорогой..." – „А она... держится?" – „Кто?" – „Баррикада". – „Держится, дорогой, держится".



– „Пусть она... долго держится, – зашептал Алёша, – всегда держится“. – „Да, Алёша, она будет долго держаться“. – Но Алёша уже ничего не слышал. Сердце его перестало биться. Это случилось 1 ноября 1917 года.



А баррикада простояла ещё четыре дня. Потом её разобрали. Она уже была не нужна: в Москве победила революция.



Редактор Г. Витухновская
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм", 1970 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-190-70
Цветной 0-30